

Анатолий Иванович Емельянов

Из истории создания сырьевой базы урана

(фрагмент из книги «Летопись камня»)

В двадцатых годах как за рубежом, так и в СССР к урану особого интереса не проявляется, в связи с чем геологоразведочные работы на уран в стране практически были свёрнуты. Однако академик В.И. Вернадский остаётся верен своей мечте об источнике энергии будущего, вот что он писал в своей книге «Очерки и речи», опубликованной в 1922 году: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться все им раньше пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетия. Но ясно, что это должно быть. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного процесса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества».

За год до начала Великой Отечественной войны, в июне 1940 года, академики В.И. Вернадский и В.Г. Хлопин пишут академику-секретарю Отделения геолого-географических наук Академии Наук СССР П.И. Степанову записку «О необходимости организации работ на уран». В ней, в частности, указано на следующее: «Открытие в 1939 году явления деления урана под действием нейтронов, сопровождающегося выделением огромных количеств энергии, (...), впервые вплотную поставило вопрос о возможности использования внутриатомной энергии для нужд человечества». Далее академики акцентируют внимание на необходимости развёртывания в стране работ по разведке и добыче урановых руд и получению из них урана: «Это необходимо для того, чтобы к моменту, когда вопрос о техническом использовании внутриатомной энергии будет решён, мы располагали необходимыми запасами этого драгоценного источника энергии. Между тем, в этом отношении положение в СССР в настоящее время крайне неблагоприятно. Запасами урана мы совершенно не располагаем. Этот металл в настоящее время крайне дефицитный. Производство его не налажено. Разведанные мощные месторождения этого металла на территории Союза пока не известны. Разведка известных месторождений и поиски новых производятся темпами, совершенно недостаточными, и не объединены общей идеей. Поэтому мы просим Отделение геолого-географических наук

обсудить вопрос о состоянии и разведке урановых месторождений, наметить план развёртывания этих работ и войти в Правительство с проектом соответствующих мероприятий».

Постановлением расширенного заседания Бюро Отделения геолого-географических наук Академии наук СССР от 25 июля 1940 года принято решение об организации широких исследовательских работ по химическому и минералогическому изучению урана и тория и их минералов в связи с проблемой использования внутриатомной энергии. Также отмечено, что решение этой задачи требует полной кооперации геологических, химических, физических и Радиевого институтов Академии наук СССР, и соответствующих наркоматов.

Инициатива В.И. Вернадского и В.Г. Хлопина о необходимости организации работ на уран была поддержана Академией Наук СССР. Уже 30 июля 1940 года на заседании Президиума АН СССР была образована Комиссия по проблеме урана. Комиссию возглавил академик В.Г. Хлопин, его заместителями были утверждены академики В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе. В состав комиссии вошли академики А.Е. Ферсман, С.И. Вавилов и другие, а также И.В. Курчатов – старший научный сотрудник Радиевого института, Ю.Б. Харитон – старший научный сотрудник Института химической физики и др. Президиумом АН СССР предложено разработать план научно-исследовательских работ Комиссии на 1941 год. В целях создания государственного фонда урана было решено провести анализ состояния изученности урановых месторождений и разведанных запасов, для чего было предложено командировать в Среднюю Азию бригаду под руководством академика А.Е. Ферсмана. В состав бригады были включены: Д.И. Щербаков, В.Г. Хлопин, И.Е. Старик и Л.В. Комлев. Этой группе было также поручено составить план по созданию Государственного уранового фонда.

12 июля 1940 года академики В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, В.Г. Хлопин подготовили проект записки заместителю председателя СНК СССР, председателю Совета химической и металлургической промышленности Н.А. Булганину «О техническом использовании внутриатомной энергии». В начале сентября 1940 года записка от имени АН СССР с несколько иным содержанием и другим названием «Об изучении и возможном использовании внутриатомной энергии» с сопроводительным письмом секретаря Президиума АН СССР была направлена в Управление кадров ЦК ВКП(б). В записке, в частности, написано следующее: «Успехами зарубежных и советских исследователей в последние месяцы выясняется, что использование грандиозных запасов энергии, заключённых в атомах вещества, сейчас не является отвлечённой проблемой и может быть поставлено в техническом аспекте.

Речь идёт о металле урана, главная масса тяжёлых атомов которого (изотоп-238) даёт всем известный радий; после выделения радия остающийся уран получался на радиевых заводах как отброс и не имел серьёзных применений в промышленности, лишь в текущем году были сделаны крупные открытия физиками и химиками, которые показали, что в оставшемся уране можно искусственно вызвать распад и одновременно получить при этом большое количество энергии.

Для этой цели необходимо:

1. Отмечая важность изучения вопросов использования внутриатомной энергии, предложить Академии наук войти в Правительство с ходатайством о специальных для этого ассигнованиях...

2. Предложить Академии наук ускорить работы по проектированию сверхмощного циклотрона Физического института Академии наук.

3. Создать государственный фонд урана...»

Далее следуют конкретные предложения по созданию государственного фонда урана, в частности, по поискам и разведке месторождений урана, добыче урановых руд и их обогащению: «Предложить Комитету по делам геологии и Академии наук поставить в 1941 году поисковые работы с использованием новейших методов радиоактивной разведки на урановые руды...».

Из записки В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана и В.Г. Хлопина заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, председателю Совета химической и металлургической промышленности Н.А. Булганину «Об изучении и возможном использовании внутриатомной энергии»: «Предложить Главредмету Наркмцветмета продолжить и ускорить переработку урановых концентратов завода «В» на соли урана с таким расчётом, чтобы выдать в течение 1940 – 1941 гг. несколько сот килограммов урана в солях.»

Анализ состояния геологической службы страны, подкрепленный информацией о позиции и действиях руководства СССР в канун Великой Отечественной войны, несмотря на обращения ученых, указывали на то, что развертывание масштабных работ по поискам и разведке месторождений урана на территории СССР в этот период не планировалось.

Начавшаяся Великая Отечественная война нарушила все планы и отодвинула их выполнение на неопределенный срок. Война позвала всех на фронт: физиков, химиков, геологов и других, начался процесс эвакуации всего, что было необходимо и возможно эвакуировать в другие регионы.

К весне 1942 года разведке удаётся заполучить достоверную информацию о широкомасштабных мерах, предпринимаемых правительствами Великобритании, США и Германии по созданию атомного оружия.

Обстановка на фронтах Великой Отечественной войны к этому времени по-прежнему сложная, но уже есть первые успехи в битве под Москвой, немцам не удалось захватить столицу, что называется сходу.

В начале марта 1942 года нарком внутренних дел СССР (НКВД СССР) Л. П. Берия подготовил на имя Председателя ГКО И. В. Сталина подробную докладную записку, информирующую о ведущихся с 1939 года работах по урану в Англии, Германии и США и целесообразности их развития в СССР. В это же время с информацией о состоянии дел по урановой проблеме и о необходимости возобновления работ по проблеме использования атомной энергии к Сталину обращались академик А. Ф. Иоффе и уполномоченный Государственного Комитета Оборона В. С. Кафтанов. Но заставить Сталина немедленно действовать это не помогло. Слишком непонятной и от того малозначительной казалась содержащаяся в этих документах информация по сравнению с прямой и страшной угрозой по-прежнему нависавшей над Москвой со стороны вермахта.

Распоряжение Государственного комитета обороны (ГКО) «Об организации работ по урану» выходит только 28 сентября 1942 года. Однако обстановка на фронтах Великой Отечественной войны осложнилась, началась величайшая Сталинградская битва, победа в которой потребовала невероятного напряжения всех сил страны.

Война завершена, Германия повержена, пришла долгожданная победа, победа «со слезами на глазах», уж слишком дорогой ценой она досталась! Но на горизонте уже появилась новая угроза – атомная бомба. Полное понимание этого пришло в августе 1945 года, когда в огне, порождённом атомными бомбами, сгорели японские города Хиросима и Нагасаки.

Осознание необходимости ускорения работ по урановой проблеме было у многих причастных к этому, но решение вопроса виделось по-разному.

По заданию Наркома внутренних дел Л. П. Берии в конце ноября 1944 года на рассмотрение Оперативного бюро ГКО представлен проект постановления ГКО «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд», в котором, в частности, было указано следующее.

По расчетам академика И. В. Курчатова, для выполнения научно-исследовательских и конструктивных задач по применению урана лаборатории № 2 Академии наук СССР одновременно потребуется не менее 50 т металлического урана (или, в пересчете на соли, не менее 100 –120 т). Фактически же в 1944 году

Наркомцветметом будет произведено не более 4-4,5 тонн солей урана, а металлический уран тех кондиций, которые необходимы для опытов, ещё не вырабатывается и не разработана технология получения такого урана.

По мнению разработчиков этого документа, столь неудовлетворительное состояние добычи урановых руд и получения солей урана объясняется тем, что спустя два года после принятия постановления ГКО о добыче урана Наркомцветмет не развивал работы по урану, на них затрачивались ничтожные силы и средства.

Далее следовали выводы: если производство урана вести дальше темпами, предлагаемыми Наркомцветметом, придется затянуть опытные работы по применению урана еще на 7–10 лет.

Из справки заместителя члена ГКО В. А. Махнева Л. П. Берии о состоянии работ по проблеме урана от 2.11.1944 г.: «Ознакомившись в процессе подготовки по Вашему заданию проекта постановления ГКО «О развитии работ по урану» с фактическим состоянием дела разведки, добычи, переработки урановых руд и организацией научно-исследовательских работ в этой области считаем необходимым доложить Вам следующее.

Разведка урановых месторождений:

Постановлением ГОКО «О добыче урана» от 27.11.1942 Наркомцветмет обязан был «закончить в 1943 году разведочные, изыскательские и исследовательские работы по урановым месторождениям Майли-Су и Уйгур-Сай и запроектировать их промышленное использование», Комитет по делам геологии при СНК СССР – «в 1943 году провести работы по изысканию новых месторождений урановых руд».

8 апреля 1944 г Постановлением ГОКО «О развитии геолого-разведочных работ по радиоактивным элементам в 1944 году» Наркомцветмет обязан был провести попутные поиски месторождений урановых руд в районах деятельности Наркомцветмета, а Комитет – широкие геолого-разведочные поисковые работы силами 50 партий и отрядов.

За два истекших года из-за недостаточного внимания к этому вопросу и плохого материально-технического оснащения геолого-разведочных партий разведка урановых месторождений почти не сдвинулась с места...»

Выход из создавшегося положения Л.П. Берия предлагает один, и он заключался в необходимости передачи добычи и переработки урановых руд из Наркомцветмета СССР в ведение НКВД СССР и 8 декабря 1944 года ГКО принимает соответствующее Постановление: «Считая всемерное развитие добычи урановых руд важнейшей государственной задачей, Государственный комитет обороны постановляет:

1. Возложить на НКВД СССР:

а) разведку урановых месторождений Табошар, Уйгур-Сай, Майли-Су, Тюя-Муюн и Адрасман, а также доразведку других урановых месторождений, которые будут передаваться НКВД СССР для эксплуатации в дальнейшем;

б) добычу и переработку урановых руд из указанных месторождений;

в) строительство и эксплуатацию рудников и обогатительных фабрик на существующих и вновь открываемых урановых месторождениях;

г) строительство и эксплуатацию заводов по переработке урановых руд и концентратов;

д) разработку технологии наиболее рационального передела урановых руд на химические соединения и технологии получения из них металлического урана.»

20 августа 1945 г. постановлением ГКО был образован Специальный комитет при Государственном комитете обороны с чрезвычайными полномочиями. В его задачи входило руководство всеми работами по использованию внутриядерной энергии урана.

Руководителем был назначен Л.П.Берия, его заместителем Ванников.

13 октября 1945 года принимается постановление СНК СССР о концентрации и специализации поисково-разведочных работ на радиоактивное сырьё, в соответствии с которым 16 октября того же года приказом председателя Комитета по делам геологии организуется Первое Главное геологическое управление (ПГГУ) во главе с С.В. Горюновым. В функцию этого управления вменяется организация и руководство всеми поисково-разведочными работами по урану и научно-техническое их обеспечение на всей территории страны.

Передача объектов по разведке и добыче урана в систему НКВД повлекло за собой резкое увеличение объёмов производства уранового концентрата. Быстрыми темпами стали строиться новые рудники и объекты по переработке руды. При этом для работы в шахтах, строительстве обогатительных фабрик и при разведке месторождений широко использовался труд заключённых.

Специфика этого органа власти привнесла в геологоразведку и горное дело свои особенности, не свойственные обычному представлению об этих видах деятельности.

В конце 1945 года Комитет по делам геологии при СНК СССР, курирующий вопросы поисков и разведки урана на территории страны, в справке, подготовленной для Л.П. Берия, указывает на то, что план выработки солей урана Комбинатом №6 выполняется путём хищнической добычи руды на руднике Майли-Су. Отбирается вручную только высокопроцентная руда с содержанием урана 0,2-0,35% и выше. Остальная руда, содержащая 0,08-0,1%, сбрасывается в отвал. Отвалы руды постепенно заваливаются пустой породой. (Накопилось уже около 500 тонн такой руды). При

отработке таким способом теряется около 30-35% руды со средним содержанием урана 0,08-0,1% и это при том, что разведанные запасы урановых руд ограничены. В связи с чем необходимо, по крайней мере на ближайшее время, руду с содержанием 0,05-0,1% добывать на всех рудниках, предлагает Комитет.

В справке также указано, что переработка руды на химзаводе в Табошарах, также происходит с большими потерями урана. Вследствие несовершенного способа производства извлечение урана из руды не превышает 50%. В результате в переработанной руде, идущей в отвал, содержание урана достигает 0,08-0,1%, то есть равно содержанию урана в рудах Табошарского месторождения. В пересчёте на чистый уран в заводские отвалы за ряд лет выброшено около 1,5-2 тонн урана.

Параллельно с наращиванием объёмов добычи и переработки урановой руды геологическим организациям, также переданным в систему НКВД, необходимо было в экстренном порядке решать проблему обеспечения расширяющегося комбината №6 достоверно разведанными запасами урана. Решить эти задачи традиционными методами с последовательным увеличением детальности разведки (от предварительной, через детальную к эксплуатационной) из-за ограниченности по времени не представлялось возможным. Только совмещение различных стадий разведки и выполнение её в больших объёмах одновременно с проведением горно-капитальных, подготовительных и добычных работ дали положительные результаты, что позволяло в сжатые сроки в несколько раз увеличить общие разведанные запасы, тем самым создать достаточную сырьевую базу для комбината и одновременно нарастить объёмы производства. Такая же система совмещения стадий геолого-разведочных работ с одновременной отработкой месторождения в какой то степени была применена и на известных ранее зарубежных месторождениях, что также позволило в сжатые сроки вновь вовлечь их в отработку. Очевидно, что удовлетворённый такой системой Л.П. Берия пришёл к выводу, что это так и должно быть. Не исключено, что Берия, как заместитель председателя Совета Министров СССР и председатель Специального комитета предпринимал попытки навязать эту методику и уже созданному Министерству геологии, занимавшемуся поисками и предварительной разведкой урановых руд, что не могло не привести к противодействию со стороны профессионалов-геологов. Тем не менее, в определённый период времени (примерно до начала 50-х годов) специализированные на уран организации, работавшие в системе МВД СССР, следовали этой методике и на вновь выявленных ураново-рудных объектах. Чаще всего это сопровождалось огромными совершенно необоснованными материальными издержками, и что самое трагичное

страданиями и гибелью людей. В тот период времени всё это не принималось в расчёт и, как обычно, оправдывалось насущной необходимостью.

В конце лета 1948 года при проведении аэрорадиометрических поисков в одном из районов Забайкалья геологами было выявлено проявление урана.

Вот что сообщает Л.П. Берия И.В. Сталину в своем письме об открытии нового «месторождения» урана 6 января 1949 г.: «Для разведки урана по заданию Специального комитета в 1948 году Министерством геологии было организовано свыше 200 специальных геологоразведочных партий и экспедиций с 12 отрядами самолетов, оснащенных сконструированными в 1948 году новыми чувствительными радиометрическими приборами, позволяющими производить поиски радиоактивных руд с высоты 100-300 метров.

В конце августа 1948 года одной из таких экспедиций (Снежинской), посланных для обследования Восточной Сибири, была обнаружена с помощью приборов, установленных на самолетах, сильная радиометрическая аномалия в районе горного хребта Кодар (в северо-восточной части Читинской области). При наземной проверке аномалии геологи и радиометристы Снежинской экспедиции и выезжавшие на место специалисты Министерства геологии нашли в 50 км от с. Чара (районный центр в Читинской области) новое месторождение урановой руды. На месторождении было отобрано 240 образцов урановой руды для анализов».

Вот некоторые данные о вновь открытом «месторождении» (из письма Л.П.Берии И.В.Сталину):

«1. Месторождение расположено в гористой труднодоступной местности на высоте более 3000 метров над уровнем моря, в 1350 км севернее города Чита, в 550 км от ближайшей железнодорожной станции Могоча и в 50 км от ближайшего аэродрома (с. Чара).

2. Уран обнаружен в минерале уранините, залегающем в горном массиве в виде жил мощностью 4-10 см и прожилков, а также у подножья коренного месторождения. Предварительные анализы, произведённые на месте, показывают содержание урана в уранините 30-50% и в руде из осыпи - 0,7% (качество, сходное с рудами Чехословацких и Саксонских урановых рудников). По заданию Специального комитета детальный анализ найденных руд производился Институтом минерального сырья Министерства геологии и НИИ-9 Первого главного управления.

3. Определить запасы металла урана во вновь открытом месторождении будет возможно лишь после детальных разведок его, которые будут произведены в 1949 году.

Однако есть основания надеяться, что вновь открытое месторождение может оказаться хорошим не только по качеству руд, но и по размерам запасов.

В связи с тем, что новое месторождение урана представляет существенный промышленный интерес, в настоящее время по заданию Специального комитета Первым главным управлением, Министерством геологии и Министерством внутренних дел СССР разрабатываются практические меры по организации и обеспечению с весны 1949 года детальных геологоразведочных работ и подготовке к эксплуатации месторождения...»

После проведения лабораторных исследований рудных образцов, доставленных с выявленного проявления урановой минерализации, туда для ознакомления и анализа геологической обстановки Министерством геологии был направлен специалист по урановым месторождениям из числа сотрудников Института минерального сырья. Первое же знакомство с геологией в штольне и в естественных обнажениях привело к выводу, что месторождения там нет, в лучшем случае это - рудопроявление с маломощными прожилками урановой минерализации небольшой протяженности.

После возвращения специалиста в Москву Министерством геологии было подготовлено соответствующее заключение и направлено председателю Спецкомитета, то есть Берия, на самом раннем этапе знал, что уранового месторождения в Мраморном ущелье нет. Тем не менее, решение о начале работ по разработке месторождения последовало. Оно принималось по личному указанию Сталина и совершенно ясно, что с подачи Берии. Постановление Совмина СССР «Об организации геологоразведочных работ на Ермаковском месторождении свинца» было издано 15 января 1949 года.

И уже через несколько дней для обеспечения деятельности Ермаковского свинцового рудоуправления в Мраморном ущелье, где и была обнаружена урановая жила, было начато создание лагеря заключённых. Первую партию заключённых в район строительства доставляли самолётами.

Главный объект, рудник, был расположен в каменном мешке. С трех сторон - почти отвесные скалы. С четвертой - обрывистый спуск. Урановую руду, лежавшую на поверхности у подножия скал, сразу же выбрали и отправили, как только сделали к ущелью примитивный зимник. Тридцать шесть километров пути от аэродрома были расчищены взрывами за несколько дней. Через семь месяцев на руднике добывали уран уже из нескольких штолен, проходка которых велась на высоте более двух тысяч метров в отвесных скалах. Добываемую руду отправляли самолетами. На горных работах были задействованы не менее пятисот заключенных и несколько десятков инженерно-технических работников. Началась интенсивная подготовка к эксплуатации: строительство аэродрома, поселка, обогатительной фабрики, зимников...

Наступившей зимой в район рудника погнали пеший этап, это 550 километров пути. После этого перехода 150 заключенных в результате обморожений и простудных заболеваний оказались нетрудоспособными, появились первые погибшие.

Всё сразу же было покрыто завесой секретности. Выход из Мраморного ущелья, в том числе, и вольнонаёмным был категорически запрещён. На выходе из зоны стояли вышки с автоматчиками.

По принятой официальной легенде добывали свинец, о том, что добывали уран, знали немногие. Условия работы были тяжелые, почти всё делалось вручную. В выработках не было никакой принудительной вентиляции. Работали в едкой пыли. Когда не выполнялся план, заставляли работать сутками, три-четыре смены подряд, не выходя из штольни.

Инженерно-технические работники и заключенные жили в огромных палатках и это при том, что стояли жестокие морозы. В бревенчатых бараках располагалось только начальство лагеря и охрана.

Начав добычу во второй половине 1949 года, уже к концу следующего года стало очевидным, что рудник фактически работает вхолостую. Прогноз геологов об отсутствии здесь промышленных залежей урановой руды подтвердился полностью.

«Ермаковским рудоуправлением» было добыто всего 1200 кг урановой руды, его ликвидация началась в начале 1951 года. И это был не единичный случай. Подобные истории во многом примечательны. Казалось бы, сложившаяся геополитическая обстановка в мире заставляет принимать чрезвычайные меры, но вряд ли допустимо этим всё оправдывать...

В 1948 году появляются новые разведанные, подтверждавшие намерения США осуществить атомную бомбардировку городов Советского Союза. В то же время Специальным комитетом сорван срок создания первого опытного экземпляра атомной бомбы, установленный на ноябрь 1948 года, в основном, из-за отставания от графика строительства и ввода в эксплуатацию промышленного реактора по наработке оружейного плутония в Челябинске. То, что это не могло быть оставлено Сталиным без последствий, Берия понимал как никто другой. В этой ситуации главным было отвести удар от учёных, кто напрямую был задействован в реализации атомного проекта, это, прежде всего те из тех, кто были членами Специального комитета, а это автоматически означало отвести удар и от себя...

11 апреля 1949 года выходит Постановление Совета Министров СССР «Вопросы Министерства геологии», положившее начало масштабным репрессиям в отношении геологов.

Масштабные репрессии в отношении геологов, предпринятые Сталиным в 1949 году, более известны как «Красноярское дело». В Ленинграде, Москве, Красноярске, Томске и других городах в марте - апреле 1949 г. по этому делу было арестовано 27 человек - известных ученых и преподавателей, крупных специалистов, а также работников Министерства геологии. Кроме этого, репрессиям, не связанным с ограничением свободы (увольнение с работы, понижение в должности, запрет на публикации и пр.) были подвергнуты ещё сотни других учёных и работников геологической отрасли. Были сняты с должности министр геологии И.И. Малышев и первый заместитель министра, руководитель Первого Главного геологического управления С.В. Горюнов - руководитель работ по поискам уранового сырья в стране. Формальным поводом для проведения масштабных репрессий послужило обращение к Берии газеты «Правда» о якобы имеющихся в Красноярском крае случаях сокрытия геологами месторождений урана, редких и цветных металлов.

В пору, когда по всей стране развёртывались широкомасштабные работы по поиску месторождений урана, возник спрос и на образцы урановых минералов и руд. В стране были единицы специалистов, которые могли визуально распознать минералы урана в полевых условиях при проведении поисковых работ, а в условиях почти полного отсутствия приборов, фиксирующих излучение, эта задача становилась невероятно сложной. Поэтому первое, что было сделано – это обучение геологов минералогии урана на образцах минералов и руд, взятых из открытых и уже изученных месторождений урана. Такие образцы были доставлены не только в центральные геологические организации и музеи, но и во все геологические управления по всей стране. Образец под номером 23, представлявший урановую руду предположительно месторождения «Тюя-Муюн» из Средней Азии, якобы находился на хранении в краеведческом музее города Минусинска. Истории не известно, кто и когда привёз в музей этот образец. Можно предположить, что образец урановой руды был размещён в музее для ознакомления широкого круга лиц с целью привлечения их к массовым поискам урановых месторождений. В то время к поискам месторождений урана в стране были подключены не только геологические организации и старательские артели, но и партийные и советские органы на местах и вообще, все кто мог и хотел, в том числе, и простые граждане. Не следует забывать о том, что за открытие месторождения урана полагались награды и поощрения, в том числе и значительные денежные вознаграждения.

«Найденный» в музее корреспондентом газеты «Правда» по Красноярскому краю образец был доставлен в Москву в редакцию, а оттуда попадает прямо к руководителю

Специального комитета Л. Берия, и от него - к Сталину. Именно с этого момента начинает раскручиваться трагический сюжет этой истории.

30 марта 1949 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос о состоянии геологических разведок в Красноярском крае. П.Н. Поспелов, главный редактор газеты «Правда» и первый секретарь Красноярского крайкома партии А.Б. Аристов зачитали сообщение спецкора газеты «Правда». На заседании была создана комиссия для расследования изложенных фактов под председательством Л.П. Берия. Выводы комиссии сомнений не оставляли, для убедительности, в докладной записке даже указывался предполагаемый район месторождения, откуда происходил образец № 23, таким районом мог являться рудник «Юлия», указывались и другие возможные места месторождений урана якобы скрываемых геологами. «Лавры Герострата» обрели новых владельцев.

Взрыв первой советской атомной бомбы был произведён в августе 1949 года на полигоне в Казахстанской степи. Как раз к этому времени «Красноярское дело» геологов близилось к своему «логическому» завершению. Как говорили острословы, в геологии началась эпоха «захаронения» (по фамилии нового министра геологии П. А. Захарова).

В ноябре 1950 года ученым объявили, что они приговорены ОСО МГБ СССР «за неправильную оценку и заведомое сокрытие месторождение полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционную агитацию» к различным срокам заключения в ИТЛ (от 10 до 25 лет) с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет.

Многие из приговорённых работали на объектах ГУЛАГа в так называемых «шарашках», где занимались поисками и разведкой полезных ископаемых, в том числе и урана: в г. Красноярске (ОТБ №1 «Енисейстрой МВД СССР»), в г. Магадане (Северная КТЭ № 8), в Норильлаге и Воркуте. В тяжелейших условиях принудительного труда многим геологам-заключенным помогла выжить их профессия, ставшая необходимой на строительных и горнопромышленных объектах ГУЛАГа, преданность профессиональному долгу. Значительная часть из них не сломалась и после реабилитации, они вернулись к активной работе.

Почему Берия, руководивший работами по урану, заслуживший уважение ветеранов-ядерщиков и не допустивший арестов, кого-либо из тех, кто был задействован в Атомном проекте, допустил массовые репрессии в отношении геологов? Исходя из складывающейся на начало 1949 года обстановки по реализации Атомного проекта, следует предположить, что именно Л. Берия был идейным вдохновителем этой беспроигрышной для себя комбинации.

По предложению Л. П. Берии и решению принятым И. В. Сталиным финансирование работ по созданию атомной бомбы проводилось «сходу», по фактическим затратам, без заранее утвержденных смет. Решения о производстве геологоразведочных работ и строительстве предприятий для добычи урана и переработки руд нередко принимались форсировано, с нарушениями общепринятой стадийности этих работ (оценка, предварительная разведка, детальная разведка месторождений, проектирование и строительство рудников). Это приводило к конфликтам между руководителями Первого главного геологического управления (ПГГУ) Мингео СССР и Первого главного управления (ПГУ) при Спецкомитете СНК (СМ) СССР. Бывший начальник геологического отдела ПГУ при Спецкомитете СНК (СМ) СССР Е. А. Пятов, описывая обстановку тех лет, констатирует: «Руководство ПГГУ Мингео СССР и особенно главный геолог академик И. Ф. Григорьев, воспитанные на традициях соблюдения стадийности, зачастую выступали против больших объемов геологоразведочных, а иногда и эксплуатационных работ на недостаточно подготовленных объектах». Возможно, что указанные противоречия и привели к трагедии. Косвенным подтверждением этого является и то обстоятельство, что в первоочередном порядке удар был нанесён по учёным-геологам являвшимся признанными авторитетами в вопросах рудной геологии и методики разведки рудных месторождений. Очевидно, что Берия решил заменить руководство Мингео СССР и убрать неугодных профессионалов-геологов в частности, главного геолога Комиссии по созданию отечественной базы атомного сырья И.Ф. Григорьева, тормозивших, как он считал, решение проблемы уранового сырья и привести к руководству Министерством геологии своего человека. И как показали последующие события, всё это ему удалось.

Министерство геологии СССР участвовало в реализации Атомного проекта с ясно осознанной для отраслевого министерства задачей – создать в стране минерально-сырьевую базу урана и напрямую в этом проекте Берии не подчинялось. Как, впрочем, и МГБ СССР, тоже оказавшееся в числе «пострадавших» в этом деле.

Возглавляемый Л. Берией Специальный комитет и подчиненное ему Первое главное управление при СНК (СМ) СССР решали главную и важнейшую задачу – создание атомной бомбы, не считаясь ни с материальными затратами, ни с человеческими судьбами. При этом Берия в силу своей природной прозорливости вполне осознавал, что создание одной атомной бомбы не обеспечивало безопасность страны. Для полного обеспечения безопасности страны нужен был паритет, а для его создания в то время требовались уже десятки атомных бомб и, соответственно, требовалась мощная сырьевая база урана.

Благодаря самоотверженному труду геологов к началу 70-х годов двадцатого века минерально-сырьевая база урана в СССР по объемному показателю соответствовала всем возможным программам развития атомной промышленности и энергетики.

С развалом Советского Союза в 1991 году и ликвидацией союзных министерств прекратило своё существование Первое Главное геологоразведочное управление - «Первый Главк». Его экспедиции, специализированные на поиски урановых руд, разбросанные по всей стране, с великолепно обустроенными базами и многочисленными стационарными партиями, укомплектованные современной техникой, приборами и оборудованием и, самое главное – специалистами высочайшей квалификации, оказались без государственного финансирования и в большинстве своём прекратили существование.

Следует отметить и следующее, весьма важное обстоятельство: в связи с распадом СССР почти все наиболее ценные месторождения урана и действующие предприятия по его добыче оказались за рубежами Российской Федерации, и уран в России снова оказался в разряде остродефицитных.